

Всеобщимъ зломъ незараженной —
И этотъ кладъ ты потерять!

Огонь любви первоначальной
Ты въ ней рѣшился зародить
И долѣе не могъ любить.
Достигнувъ цѣли сей печальной,
Ты презрѣлъ все; между людей
Стоишь, какъ дубъ въ странѣ пустынной,
И тихій плачь любви невинной
Не могъ потрясть души твоей.

Не дважды Богъ даетъ намъ радость,
Взаимной страстью веселя;
Безъ утѣшенія, томя,
Пройдетъ и жизнь твоя, какъ младость.
Ея лобзанья встрѣтишь ты
Въ устахъ обманщицы прекрасной,
И будешь предъ тобой всечасно —
Предмета перваго черты.

О! вымоли ея прощенье,
Пади, пади къ ея ногамъ!
Не то — ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврата:
Ты вѣчно первую утрату
Не будешь въ силахъ замѣнить.

Quand je te vois sourire,
Mon coeur s'épanouit,
Et je voudrais te dire
Ce que mon coeur me dit!

Aiols toute ma vie
A mes yeux apparaît,
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh! mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!

Венеція.

ОТРЫВОКЪ.

Поверхностью морей огражена,
Богатая Венеція почилла;
Сырой туманъ дымился, и луна
Высокія твердыни осребрила.
Чуть виденъ бѣгъ далекаго вѣтрила;
Студеная вечерняя волна
Едва шумитъ подъ веслами гондолы
И повторяетъ звуки баркаролы.

Мнѣ чудится, что это ночи стонъ,
Какъ мы, своимъ покоемъ недовольной,
Но снова пѣсь! и вновь гитары звонъ!
О! бойтесь, мужья, сей пѣсни вольной;
Советую, хотя мнѣ это больно,

Не выпускать красавицъ вашихъ женъ;
Но, если вы въ сей мигъ невѣрны сами,
Тогда, друзья, да будетъ миръ межъ вами!

И миръ съ тобой, прекрасный чичизбой,
И миръ съ тобой, лукавая Мелина.
Неситесь по прихоти морей:
Любовь нерѣдко бережетъ пучина.
Хоть и надъ моремъ царствуетъ судьбина —
Гонитель вѣчный счастливыхъ людей —
Но талисманъ пустыннаго лобзанья
Уводитъ сердца темныя мечтанья.

Рука съ рукой, свободу давъ очамъ,
Сидятъ въ ладѣ и шепчутъ межъ собою.
Она ввѣряетъ мѣсячнымъ лучамъ
Младую грудь съ плѣнительной рукою,
Укрытая досель подъ эпанчою,
Чтобъ юношу сильнѣй прижать къ устамъ.
Межъ тѣмъ вдали, то грустный, то веселый
Раздался звукъ обычной баркаролы:

«Какъ въ дальнемъ морѣ вѣтерокъ,
Свободенъ вѣчно мой челнокъ;
Какъ рѣчки быстрое русло,
Не устаетъ мое весло.

Гондола по водѣ скользитъ,
А время по любви летитъ;
Опять сравняется вода,
Страсть не воскреснетъ никогда.»

И видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала...
Казалось, мнѣ она поправится желала;
Очей привѣтливость, движеній быстрота,
Природный блескъ лавить и груди полнота —
Все, все наполнило бѣ мнѣ умъ очарованьемъ,
Когда бѣ совсѣмъ инымъ, безсмысленнымъ
желаньемъ,

Я не былъ угнетенъ, когда бѣ предо мной
Не пролетала тѣнь съ насмѣшкою пустой,
Когда бѣ я только могъ забыть черты другія,
Лицо безцвѣтное и взоры ледяные!...

Подражаніе Байрону.

Не смѣйся, другъ, надъ жертвою страстей,
Вѣнецъ терновый я сужденъ влачить.
Не быть ей вѣчно у груди моей!..
И что-жъ? я не могу другой любить!
Какъ нѣтъ гремитъ за узникомъ, за мной
Такъ мысль о будущемъ — и нѣтъ иной.

Я вижу длинный рядъ тяжелыхъ лѣтъ,
Атамъ людими презрѣнный гробъ — онъ ждетъ,
И до него надежды нѣтъ — и нѣтъ
За нимъ того, что ожидаетъ тотъ,
Кто жилъ одной любовью, погубилъ
Все въ жизни для нея — а все любилъ.

И вынести могъ сей взоръ ледяный я,
И могъ тогда ей тѣмъ же отвѣчать.
Увижу на рукахъ ея дитя
И стану я при ней его ласкать,
И въ каждой ласкѣ мать узнаетъ внемъ,
Что время не могло унести любовь.